

Великий английский романист Чарльз Диккенс (1812–1870), юбилей которого отмечается в этом году, – наиболее родственный по духу русской классике зарубежный писатель.

В России Диккенс стал известен уже с появления первых переводов в 1830-е годы, в «гоголевский период» развития русской литературы. Отечественная критика сразу обратила внимание на общность художественной манеры Н.В. Гоголя и Диккенса. Критик журнала «**Москвитянин**» С.П. Шевырёв, подчеркнув в английском авторе «талант свежий и национальный», одним из первых заметил, что «Диккенс имеет много сходства с Гоголем». Близкое родство талантов отразилось и в таких определениях христианского богослова, славянофила А.С. Хомякова: «Два родных брата», «Диккенс, меньшой брат нашего Гоголя».

Деятельная и могучая вера в Бога, умение видеть то, чего, как говорил Гоголь, «не зрят равнодушные очи», сближали Диккенса с русскими классиками. «Великим христианином» называл английского романиста великий русский писатель-христианин Ф.М. Достоевский. В «**Дневнике писателя**» (1873) он подчёркивал: «Между тем мы на русском языке понимаем Диккенса, я уверен, почти так же, как и англичане,

даже, может быть, со всеми оттенками; даже, может быть, любим его не меньше его соотечественников. А, однако, как типичен, своеобразен и национален Диккенс!». Достоевский признавал благотворное влияние, которое оказывало на него диккенсовское творчество: «Никто меня так не успокаивает и не радует, как этот мировой писатель».

Л.Н. Толстой ценил Диккенса как писателя безошибочно-го нравственного чутья. Н.С. Лесков, шедший в литературе своим самобытным путём «против течений», также высоко оценивал «английского писателя с именем, с которым очень приятно ставить своё имя», узнавал в нём родственную душу, был увлечён его творчеством. Русские писатели были внимательными читателями и знатоками произведений Диккенса, видели в нём своего союзника.

В.Г. Короленко в очерке **«Моё первое знакомство с Диккенсом»** (1912) описал потрясение и восторг, испытанные в отрочестве от прочтения романа **«Домби и сын»** (1848). С.М. Соловьёв – племянник религиозного философа и поэта Вл. Соловьёва, внук историка С.М. Соловьёва – создал цикл стихотворений, навеянных сюжетами и образами романа **«Дэвид Копперфилд»** (1850). Даже в художественном сознании всенародно любимого певца русской деревни, русской природы, русской души Сергея Есенина неожиданно оживает образ главного героя романа **«Оливер Твист»** (1839): *Мне вспомнилась печальная история – История об Оливере Твисте.* (**«Русь бесприютная»**, 1924)

Примеры цитат, реминисценций, ассоциаций с Диккенсом в русской литературе можно продолжить.

Среди произведений английского романиста, которые оказывали глубокое духовное воздействие, облагораживали ум и чувства, призывали к торжеству справедливости, особенно полюбились в России **«Рождественские повести»**

(1843–1848), благодаря которым их автор был признан классиком святочной литературы. Диккенс создал образ поющего Рождества, воспел святочную радость, победу над силами зла.

Показательна история восприятия этих повестей русскими читателями. Ещё в 1845 году литературная критика отметила диккенсовский рождественский цикл среди так называемой массовой святочной литературы: «К нынешним Святкам неутомимый Диккенс опять написал повесть <...> Имя Диккенса ручается уже за достоинство ея, и её действительно никак нельзя смешивать с остальной кучею изданий, которые родятся к празднику и умирают с праздником». Журнал «**Современник**» писал в 1849 году о Диккенсе: «Он как будто пожелал быть ещё более народным, ещё более моральным, лет пять тому назад начал ряд народных сказок, избрав эпохой их появления *Святки*, самый народный праздник в Англии»¹. Лесков также выделил «**Рождественские повести**» из всего обширного круга святочной литературы: «они, конечно, прекрасны»; признал их «перлом создания».

Диккенс в совершенстве овладел тайной эстетического воспроизведения самого духа празднования Рождества Христова, которому сопутствует особенная, одухотворённо-приподнятая, ликующая атмосфера. Г.К. Честертон – автор одной из лучших книг о Диккенсе – увидел суть праздника Рождества «в соединении веры и веселья <...> с земной, материальной стороны в нём больше уюта, чем блеска; со стороны духовной – больше милосердия, чем экстаза». Ещё в Апостольских Постановлениях (Кн. V, гл. 12) сказано: «*Храните, братия, дни праздничные, и, во-первых, день Рождества Христова*». Следует отложить все житейские заботы и попечения, всецело посвятить себя празднику. Молитвенное настроение сочетается в этот святой день и с беззаботным весельем, и с размышлениями о великом событии Священной истории,

и со служением тем душеспасительным истинам, которым учит людей Рождество.

Святочная словесность в других странах, в том числе и в России, формировалась и существовала до Диккенса, отличаясь национально своеобразным колоритом, стилистикой, деталями и т.д. До диккенсовского рождественского цикла создал свою дивную **«Ночь перед Рождеством»** (1831) Гоголь. И всё же художественный опыт английского классика повлиял на дальнейшее развитие святочной литературы: в одних случаях вызвал целый шквал ученических подражаний, в других – был освоен и преобразован творчески. Во многом именно от диккенсовской традиции отталкивался Лесков, вступая с мэтром рождественской беллетристики в творческое состязание, создавая свой цикл **«Святочные рассказы»** (1886).

В цикле повестей Диккенса **«Рождественская песнь в прозе»** (1843) и **«Колокола»** (1844) признавались наиболее значительными с точки зрения их социально-критического, обличительного пафоса, направленного против жестокости и несправедливости, в защиту угнетённых и обездоленных.

Следующие три повести: **«Сверчок за очагом»** (1845), **«Битва жизни»** (1846), **«Одержимый, или Сделка с призраком»** (1848) – написаны более в камерной, «домашней» тональности.

Литературный критик-почвенник Аполлон Григорьев, сопоставляя Диккенса с Гоголем, указывал на «узость» идеалов английского романиста: «Диккенс так же, пожалуй, исполнен любви, как Гоголь, но его идеалы правды, красоты и добра чрезвычайно узки, и его жизненное примирение, по крайней мере, для нас, русских, довольно неудовлетворительно». Но тот же Григорьев, которого не подводят художественное чутьё и литературный вкус, восторженно отзывался о повести

«Сверчок за очагом»: «действительно прекрасное, доброе и благородное произведение высокоталантливого Чарлса Диккенса «Домашний сверчок» – это светлая, поэтическая идиллия со своей милой прихотливостью фантазии, со своим вполне человеческим взглядом на вещи, со своим юмором, трогаящим до слёз».

О доброй силе воздействия образов этой повести на зрителя к 200-й постановке **«Сверчка за очагом»** на сцене студии Художественного театра ровно 100 лет назад было написано стихотворение **«Сверчок 200-й, 1917»**.

Вряд ли уместно подразделять **«Рождественские повести»** Диккенса на «социальные» и «домашние». Все они обладают идейно-художественной целостностью, обусловленной единством проблематики, общей для всех повестей атмосферой и главное – авторским замыслом, согласно которому писатель рассматривал свой цикл как «рождественскую миссию». Уильям Теккерей справедливо назвал Диккенса «человеком, которому святым Провидением назначено наставлять своих братьев на путь истинный».

Начиная с 1843 года Диккенс ежегодно выпускал по одной рождественской повести. Став редактором журнала **«Домашнее чтение»**, он включал в каждый рождественский номер специально написанный рассказ. Писатель был к тому же превосходным актёром и устраивал серию чтений своих **«Рождественских повестей»**, заставляя слушателей то ликовать от восторга, то заливаться слезами от жалости. Так начался его «великий поход в защиту Рождества». Верность ему Диккенс пронёс через весь свой творческий путь.